

А.И. Зайцев

ФОРМИРОВАНИЕ НОВАТОРСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ДОЛИТЕРАТУРНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Гомер, автор "Илиады" и "Одиссеи", неизменно воспринимался самими греками как поэт *κατ' ἔξοχόν*, как краеугольный камень всей культуры и воспитания. Таковым остается он и для восторженного враждебно к поэзии Платона. Однако по мере того как греки приводили в систему сбивочные и противоречивые сведения о своем прошлом, к исконному представлению о парадигматическом значении гомеровского эпоса присоединилось, как мы сейчас знаем, вполне соответствующее действительности убеждение в том, что "Илиада" и "Одиссея" и хронологически предшествуют всем другим сохранившимся памятникам поэзии и, тем более, прозы. Хотя в образованных кругах представление о глубочайшей древности произведений, приписываемых Орфею и Мусею, сохраняется до конца античности, уже Геродот высказал убеждение в том, что они возникли после Тесисода и Гомера (Herodot., II, 53).

Для Аристотеля, во всяком случае, с Гомера начинается сохранившаяся, а потому и доступная изучению поэзия (Aristot., Poet., I448b, 8 sqq.), и в самом начале "Поэтики" Аристотель при перечислении жанров поэзии на первое место ставит эпос — *ἔποποιία* (Aristot., Poet., I447a, I3). Гомер, т.е. "Илиада" и "Одиссея", с одной стороны, и "Марсит", который Аристотель приписывает Гомеру, — с другой, дают, по Аристотелю, начало соответственно трагедии и комедии (Aristot., Poet., I448b, 29 sqq.).

Для Аристотеля Гомер — типичный представитель эпической поэзии (Aristot., Poet., I447b, I7) и в то же время — он

неизмеримо выше других представителей этого жанра, как-то авторов киклических поэм, "Тесейды" и т.п. (Aristot., Poet., I45Ia, 22 sqq.).¹ И хотя Аристотель оценивает трагедию как жанр выше эпоса² (Aristot., Poet., I459b, 22 sqq.),³ традиционное преклонение греков перед Гомером и личные отношения к нему Аристотеля⁴ находят свое отражение в попытке Аристотеля сделать Гомера родоначальником трагедии (Aristot., Poet., I448b, 33 sqq.).⁵ В сущности, перед нами уже схема развития литературы, где трагедия фигурирует в качестве этала, следующего за эпосом.⁶

Эпос стоял на первом месте в классификации жанров александрийских "Канонов", очевидно, под влиянием Аристотеля.⁷ Героический эпос ставит во главе литературных жанров Гораций (De arte poet., 73 sqq.). В таком виде представление о героическом эпосе как первенствующем жанре⁸ было воспринято Новой Европой.⁹

Однако в обстановке формирующегося историзма в подходе к культуре, в ходе поисков закономерностей ее формирования и эволюции, в трудах Вико и Гердера,¹⁰ в работе Фр. Шиллера "О наивной и сентиментальной поэзии"¹¹ стало складываться представление о том, что примат эпоса — вообще закономерное явление. Наблюдения над ролею в последующем литературном развитии древнегреческого, германского, французского эпоса были обобщены, так что Гегель в своих "Лекциях по эстетике", пожалуй, лишь четко сформулировал уже сделавшуюся ходячей точку зрения об универсальном примате эпоса над прочими жанрами, об его закономерном развитии в начале формирования литературы: "Будучи такой изначальной целостностью, эпическое творение есть сказание, т.е. Книга, или Библия народа, и у каждой великой и значительной нации есть такие абсолютно первые Книги, где высказано то, что составляет изначальный дух народа".¹²

Представление о том, что литература должна начинаться с эпоса, и, следовательно, греческая литература следует здесь общей норме, живо до сего дня и влияет на исследователей древнегреческой литературы.

Между тем стоит только обратиться к фактам — к подлинной истории тех литератур мира, которые формировались самостоятельно, без заметного влияния других, ранее сложившихся литератур,¹³ и мы убедимся, что такое доминирование эпоса на первых шагах литературы, какое мы обнаруживаем в Греции, не только не является правилом, но и представляет собой, скорее, исключение.

В древнеегипетской литературе мы не находим вообще никаких следов эпоса.¹⁴ В Китае, возможно, существовал народный эпос, который, однако, оставил лишь следы в китайской литературе.¹⁵ Эпос занимает важнейшее место в древнеиндийской литературе, но хронологически ему предшествует ведийская литература: создатели "Махабхараты" и "Рамаяны" отлично знали ее, в то время как ни сами веды, ни брахманы, ни упанишады не обнаруживают следов знакомства с эпосом.¹⁶ Только в шумерской литературе эпос с самого начала предстает перед нами в качестве одного из ведущих жанров,¹⁷ но и здесь не может быть речи ни о хронологическом приоритете эпоса, ни о его доминирующем влиянии на другие жанры литературы: гимны, погребальные песнопения, басни фигурируют наряду с эпосом среди самых ранних памятников письменности, имеют свой, не зависящий от эпоса, круг сюжетов и систему художественных приемов.¹⁸

Таким образом, формирование древнегреческой литературы без существенного влияния литератур других народов, на основе местного фольклора в условиях доминирования героического эпоса над прочими жанрами, представляет собой уникальное явление в истории литератур мира.

Эта особая роль эпоса наложила отпечаток на всю историю древнегреческой литературы, а вслед за ней и на римскую и европейские литературы. Мы здесь в соответствии с темой данного сборника, посвященного традициям и новаторству в античной литературе, остановимся лишь на одном аспекте влияния эпоса, а именно на том, как уже внутри эпической традиции, на грани между фольклором и литературой сформировалась установка поэта на новаторство в художественной форме произведения.

Новаторство знает уже фольклор, но оно проявляется не в одинаковой степени в разных жанрах фольклора. Прежде всего большей вариативностью, дающей простор для индивидуальной творческой инициативы, характеризуются необрядовые жанры фольклора,¹⁹ в частности героический эпос.²⁰ Эта закономерность имела, очевидно, силу и для героического эпоса греков до Гомера. Во всяком случае, Телемах в "Одиссее" явно высказывает широко распространенное во времена Гомера отношение к эпическим песням, когда он говорит о том, что люди стремятся слышать от аэда все новые и новые произведения (Od., I, 351-352).²¹ Разумеется, высокой вариативностью наряду с героическим эпосом отличаются и некоторые другие жанры фольклора, в том числе сказка, необрядовая лирическая песня.²² Однако из жанров мирового фольклора, дававших простор для творческой инициативы, героический эпос выделяется теми возможностями, которые он дает для профессионализации творчества еще на фольклорной, дописьменной ступени. Именно творцам героического эпоса сформировавшаяся накануне возникновения государства и письменности родовая аристократия дала у целого ряда народов возможность посвятить себя поэтическому творчеству, не заботясь о хлебе насущном,²³ контролируя лишь общее направление их творчества. Так обстояло дело и в Греции эпохи эпического творчества: гомеровские поэмы изображают эпическое творчество прочно закрепившимся в руках профессионалов — аэдов.²⁴ Не повторяя здесь многочисленных тому свидетельств, отметим как особенно показательные, хотя и косвенные, подтверждения этого положения вещей: в "Одиссее" Алкиной и Евмей, для того чтобы выразить свое восхищение искусством Одиссея-рассказчика, приравнивают его к искусству аэда (Od., XI, 368; XVII, 517-521). При этом древнегреческий аэд творил в обстановке конкуренции с товарищами по профессии, конкуренции, систематически принимавшей форму прямого состязания певцов — агона. О конкуренции между аэдами говорит Гесиод (Нес., Опр., 26). Глубокую древность состязаний между аэдами подтверждают не только гомеровский гимн к Аполлону Делосскому (In Apoll., Del., 149-150, 173), традиция о состязании Гомера с Гесио-

дом²⁵ и другие позднейшие источники, но и прямое упоминание об агоне ээдов в "Грудах и днях" Гесиода (Вес., Орр., 650-660), а также рассказ в "Илиаде" об ээде Тамирисе, который уверял, что одержит победу, даже если будут петь сами музы (Il., II, 594-600): рассказ этот очевидным образом подразумевает практику состязаний ээдов.²⁶

Так были подготовлены условия для расцвета греческого героического эпоса, выразившегося в появлении гомеровских поэм. К моменту заимствования греками финикийского алфавита, когда создались исторические предпосылки возникновения литературы из фольклора, в греческом фольклоре наличествовал жанр, далеко опередивший все остальные по степени развития в нем авторского начала и по художественной значимости в целом. Особая, необычная для других литератур древности роль этого жанра фольклора, которую мы отметили выше, явилась важным фактором в развитии всей древнегреческой литературы, и в частности, в проявлении в ней индивидуального новаторского начала.

Примечания

¹ См.: Aristotle. *Poetics* / Ed. by D.W. Lucas. Oxford, 1968, p. 213.

² Противоположного взгляда придерживался Платон (Plat., Leg., 658 DE).

³ Ср.: Elise G.F. Aristotle's poetics. The argument. Cambridge (Mass.), 1957, p. 614.

⁴ Аристотель постоянно цитирует самые разнообразные стихи Гомера едва ли не во всех своих сочинениях. Гомеру были посвящены труды Аристотеля ("Гомеровские проблемы" и др.), не дошедшие до нас.

⁵ Слова Аристотеля ἡ...ἐποποιία τῆ τροχιδίῃ...ἡκλοῦθ-εῖσεν (Aristot., Poet., I419b, IO-II), разумеется, нельзя понимать в смысле временной последовательности.

⁶ Ср.: Elise G.F. Aristotle's poetics, p. 146, 204; Носк В.К. The doctrine of literary forms. - Harvard Stu-

dies in *Classical Philology*, 1916, vol. 27; p. 60; G u d e - ш а n A. Aristoteles. *Peri poetikḗs*. Berlin, 1934, S. 109. - Родоначальником трагедии считал Гомера уже Платон (Plat., Rep., X, 595 c.). Эсхилу приписывалась характеристика его соотнесенного творчества как τέρματι τῶν Ὀμηρικῶν μεγάλων δειπνῶν (Athen., VII, 347 E.).

⁷ S t a b r y l a St. Miejsce dramatu w greckich systemach klasyfikacji genologicznej. - *Meander*, 1976, R. 31, N 1-2, s. 34-35.

⁸ Не имела последователь за пределами грамматической традиции классификация жанров Дионисия Фракийского, ставившего на первые места трагедию и комедию (Dionys. Thrac., *Arta gramm.* 2, p. 6 Uhlig).

⁹ См.: F i n a l e r G. Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe. Italien, Frankreich, England, Deutschland. Leipzig; Berlin, 1912.

¹⁰ Ср.: Асмус В. Эпос. - В кн.: Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968, с. 36-55.

¹¹ Асмус В. Шиллер как эстетик. - В кн.: Вопросы теории и истории эстетики, с. 183 сл.

¹² Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., 1971, т. III, с. 427. Ср.: Яш е н ь к и н а Р.Ф. Гомеровский эпос в эстетике Гегеля. Пермь, 1975.

¹³ Очевидно, что именно на таких литературах можно изучать в чистом виде внутренние закономерности формирования литературы из фольклора в условиях возникновения письменности.

¹⁴ В г и н н е р - Т г а u t E. Altägyptische Literatur: - In: *Altorientalische Literaturen* / Hrag. v. W. Böllig. Wiesbaden, 1978, S. 27.

¹⁵ Р и ф т и н Б.Л. 1) Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970; 2) Проблемы стиля китайского книжного эпоса. - В кн.: Памятники книжного эпоса: Стили и типологические особенности. М., 1978, с. 162-189.

16 Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М., 1974, с. 148 сл.

17 Комогобозу Г. Die mythologische Epik in der sumerischen Literatur. - Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Sectio classica, 1977-78, t. V-VI, S. 145-193; Афанасьева В. Мündlich überlieferte Dichtung ("oral poetry") und schriftliche Literatur in Mesopotamien. - Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 1974, t. 22, S. 121-135.

18 См., напр.: Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965.

19 Богатырев П.Г. Традиция и импровизация в народном творчестве. - В кн.: Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 393-400; Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967, с. 179 сл.

20 Хирмунский И.В.М. Среднеазиатские народные сказители. - В кн.: Хирмунский И.В.М. Туркский героический эпос. Л., 1974, с. 632-643.

21 Махлер Н. Die Auffassung des Dichterberufs im frühen Griechentum bis zur Zeit Pindars. Göttingen, 1963; Snell В. Dichtung und Gesellschaft. Studien zum Einflusse der Dichter auf das soziale Denken und Verhalten im alten Griechenland. Hamburg, 1965, S. 127.

22 Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня: Автореф. докт. дис. Л., 1963, с. 19; Астахова А.М. Импровизация в русском фольклоре (ее формы и границы в разных жанрах). - Русский фольклор, 1966, т. 10, с. 63-78.

23 Гринцер П.А. Эпос древнего мира. - В кн.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 138.

24 Толстой И.И. Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса. М., 1958; Сауер А. Über Aöden und Rhapsoden. Eine literarhistorische Studie. Progr. Schöten in Wien, 1891; Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. 2. Aufl. Stuttgart, 1951, S. 38 ff., 54 ff., 70 ff.

25 См.: Vogt E. Die Schrift vom Wettkampf Homers und Hesiodos. - Rheinisches Museum für Philologie, 1959, Bd. 102, S. 193 ff.

26 Гордэзiani П.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978, с. 344; Лежку А. Die Maske des Thamyris. - Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, 1951, № 8; Weiler I. Der Agon im Mythos. Zur Einstellung der Griechen zum Wettkampf. Darmstadt, 1974, S. 66-72.

А.В. Кудулите

ГОМЕРОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ АЛКМАНА

В Древней Греции каждый литературный жанр имеет свою собственную языковую традицию, возникшую на основе того или иного диалекта. Однако проблема образования языка отдельных жанров, в том числе и хоровой лирики, все еще остается открытой. Полностью не решен вопрос о причинах и характере смешения диалектных элементов в хоровой лирике. С давних пор многие исследователи¹ признают взаимодействие между жанрами, и в частности влияние гомеровского эпоса на все дальнейшее развитие греческой поэзии и поэтического языка. В то же время некоторые ученые² отрицают или недооценивают влияние эпоса на язык других жанров, в том числе и на язык хоровой лирики, пытаются свести до минимума дорийский компонент в фонетических и морфологических особенностях данного жанра и объяснить его язык как восходящий к микенской или домикенской эпохе.

Алкман, древнейший представитель хоровой лирики, творил в Спарте, и важнейшим истоком языка его произведений был живой лаконский диалект. На том же лаконском диалекте создавался, разумеется, и местный фольклор. Ведь "в основе народно-поэтической речи лежит фонетическая, грамматическая и лексическая системы того диалекта, в пределах которого бытует данное на-